

А. МИРОШНИЧЕНКО

ПАССАЖИР С МЕСТА
В "ЧАРПИ"

Александр Мирошниченко
Пассажир с места 6 «чарли»

«Автор»

2025

Мирошниченко А.

Пассажир с места 6 «чарли» / А. Мирошниченко — «Автор»,
2025

Пассажиры занимают свои места в салоне комфортабельного межконтинентального авиалайнера, не подозревая, какие события их и, соответственно, читателя ожидают во время, казалось, обычного рейса. Некая западная спецслужба планирует использовать ухудшение состояния здоровья оппозиционного политика, чтобы дестабилизировать политическую ситуацию в России. Как это может отразиться на безопасности полёта? Почему в воздух будут подняты истребители ВВС США и ВКС РФ? Что делать, если пилотам в полёте станет плохо? Ответы на эти вопросы на страницах этой книги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Мирошниченко

Пассажир с места б "чарли"

Глава 1

В то авиационную эпоху, когда авиалайнеры могли преодолевать расстояние всего в пару-тройку тысяч километров, пилоты и проводники, выполняющие рейс на другой континент, покидал родную авиагавань на несколько недель. Вылетов, например, из Москвы, экипаж, добравшись до Шеннона, передавал самолёт с пассажирами отдохнувшему коллегам, как эстафетную палочку. И проводил три-четыре дня в гостинице, чтобы потом перелететь в Гандер, где опять останавливаться и ждать следующий рейс. Таким образом, рейс Москва – Лима – Москва оборачивался почти месячной командировкой.

Но пришли новые трансконтинентальные лайнеры, которые без посадки летели практически в любую точку земного шара, и специалисты по авиационной медицине вдруг выяснили, что необходимым и достаточным, а главное – наименее вредным для членов экипажей является отдых не менее, но и не более суток. Руководство авиакомпаний озаботились здоровьем своих сотрудников, и продолжительность пребывания в пункте назначения сократили до рекомендуемого специалистами. Естественно, об экономии никто не думал. Только здоровье и благополучие работающих в небе учитывались. А если произошедшие изменения приносили компании дивиденды – это просто приятный для акционеров бонус.

В результате график работы пилотов и проводников дальнемагистральных воздушных судов стал прост: провели в полёте из пункта А в пункт Б десять – двенадцать часов, приехали в гостиницу, отоспались, перекусили немного и опять отдыхать, но уже перед обратным рейсом. И, само собой, один из перелётов обязательно будет ночью. Повлиять на количество часов в сутках даже главы корпораций не могут.

Вот и вся романтика современной гражданской авиации: сегодня поспал, позавтракал и пообедал в Токио, на следующей неделе – в Пекине, а в конце месяца, словно в рулетке, вполне может выпасть и Мале, где посчастливится провести часок-другой на пляже в тени пальм и искупаться в чистейших и неправдоподобно голубых водах Индийского океана.

Те, кто пришёл в профессию с мечтой посмотреть мир, за многие годы в дальних странах ничего, кроме номера отеля и ресторана, так и не видели.

Галина, для подчинённых – Галина Ивановна, старший бортпроводник, а по сути – капитан пассажирского салона, застала иные времена, когда трёх-четырёхдневный отдых между рейсами позволял посмотреть города, посетить музеи, концерты и, не без того, устроить шопинг.

Сейчас же она воспринимала пребывание вдали от дома, как короткий выходной, после которого не грех и отдохнуть. В этот раз полёт из базового аэропорта прошёл спокойно. Благо вылет среди ночи – это по большей части спящие пассажиры. Публика в этом направлении бывает и хамоватая, но на бортпитание не претендующая – между сном и приёмом пищи выбирает всегда сон.

Лётный экипаж тоже особых хлопот не доставлял. Командира Галина знала давно – пересекались раньше не раз, и совместная работа оставила приятные воспоминания. Второй пилот был ещё очень молод и в лётной форме напоминал курсанта училища.

Лётный состав сильно помолодел за последние десятилетия. В своё время, перед тем как попасть на международные линии, требовалось сначала поработать в малой авиации, набраться

лётного и жизненного опыта. Сейчас же многие пилоты приходили в компанию сразу после выпускного курса учебного заведения.

Галина Ивановна как-то, прикрывая свою реальную тревогу, с шутливой интонацией спросила соседа по даче – лётного начальника довольно высокого ранга, не страшно ли летать с такими юнцами. Но тот неожиданно серьёзно ответил:

– В войну двадцатилетние выполняли боевые задания, становились Героями Советского Союза. Эскадрильями, а то и полками командовали.

– Так, то ж в войну, – возразила смущённая серьёзным ответом Галина.

Не сбавив градуса, собеседник пояснил: на войне так происходит, поскольку ответственность на плечах молодых велика. Но ведь и у нынешних мальчишек и девчонок, за спиной жизни сотен пассажиров, а значит, и ответственность не меньше. Это и ускоряет их взросление. И человеческое, и профессиональное.

– Поэтому, Галя, не бойсь, – уже шутливо закончил коллега-дачник и добавил: – Мне, между прочим, когда я стал командиром «трансконтинентального лайнера» Ан-2, едва стукнуло двадцать, а через пять лет уже других учил летать. Может, это не они становятся моложе, а мы стареем?

Галина не сомневалась в компетентности собеседника и ещё последние слова резко «успокоили».

– Вот спасибо – «порадовал»! – щекотливую тему возраста Галина, которую молодые коллеги уже давно называли за глаза «ровесницей авиации», обсуждать никак не планировала.

После этого разговора Галина спокойнее воспринимала молодых, с вершины её возраста, пилотов: профессионализм и правда важнее. Ровно до того момента, когда совсем юный на вид пилот при заселении в гостиницу прямо возле стойки администратора начал её, как говорили во времена молодости Гали, «кадрить», а сейчас, насколько она разбиралась, – «клеить».

Такое поведение больше удивляло, чем веселило, хотя выглядело это со стороны и правда довольно смешно и нелепо. И вовсе не из-за разницы в возрасте. Подружка-парикмахер, каждый раз делая Галине стрижку, не упускала возможности поделиться подробностями своей бурной личной жизни, рассказывая и не про такую разницу в годах. Удивительной ситуацией делал тот факт, что Галина совершенно не привлекала этого мальчика как женщина – такие вещи она определяла безошибочно.

Вспомнилось, как недавно в метро, невольно слышала разговор девчонок-подростков. Говорили они громко, и Галина получала информацию вне зависимости от её желания.

– А ты ему нравишься? – заинтересованно спрашивала одна.

– Не знаю, – отвечала та, отношения которой разбирала по косточкам компания.

– Ты сама не чувствуешь такое?! – широко, насколько это возможно, раскрыла ещё детские глаза подруга, демонстрируя своё искреннее изумление, затем томно и расслабленно добавила: – Я вот всегда чувствую, нравлюсь парню или нет, – но уже после глубокого вздоха закончила: – Только блин, каждый раз ошибаюсь.

Галина еле сдержала смех. В отличие от этой «опытной дамы» подросткового возраста, она всегда точно знала, какие эмоции или чувства вызывает у тех, с кем общается. И уж тем более, когда речь идёт о сексуальном влечении, – тут для неё всегда всё яснее ясного. Поэтому-то и показались ей странными потуги этого мальчишки.

Тот, получив вежливый, но однозначный отказ, без промедления переключился на коллегу помладше – Ксюшу, мягко говоря, не красавицу. Может быть, по этой причине та восприняла ухаживания пилота более заинтересованно. Хотя настоящего влечения и к ней у этого парня Галина не обнаружила и подумала полушутя-полусерьёзно:

«Может, просто спать один боится».

Однако интуиция подсказывала иные, пусть и неясные, мотивы. Чуть позже ей представилась возможность убедиться в том, насколько она была права в отношении юного «донжуана».

Глава 2

Галина уже перестала проверять свою интуицию. С тех самых пор, когда давно, ещё ребёнком, шла с папой из детского сада и ей вдруг стало страшно. Она хорошо помнит, как отчётливо увидела жуткое место в нескольких шагах прямо на их пути. Но сказать папе, что ей, уже взрослой девочке, которая этим летом пойдёт в школу, страшно, – не могла. Поэтому она остановилась и соврала, что забыла в садике варежки и за ними обязательно нужно вернуться. Папа спешил. Он всегда, сколько помнила себя Галина, куда-то торопился. Вот и тогда он буркнул, мол, с варежками ночью в детском саду ничего не случится, а руки можно подержать в карманах пальто.

Маленькая Галя понимала – она не сможет пройти через пугающее её место, поэтому забыв, что она уже большая, захныкала:

– Меня мама будет ругать.

Папа в этой фразе услышал не «меня», а «нас», пару секунд поразмышлял и, вздохнув, успокоил:

– Не хнычь, заберём. Не будет нас мама ругать.

Только они повернули в обратный путь, как у них за спиной, там, куда Галя боялась идти, рухнула с крыши громадная глыба льда.

– Как же удачно ты забыла варежки, – произнёс в тот момент папа.

Галя потом попыталась рассказать маме, как она ощущает приближение опасности, но её родительница была важным учёным и разом пресекла подобные «антинаучные бредни». С тех пор Галина никогда и ни с кем не говорила о своих способностях. Кто-то родился очень умным, у кого-то волосы красивые, а она с рождения чувствует угрозу.

Сколько раз этот дар её спасал, она даже не считала, а, может, и не знала. Не замечает же нормальный человек, как его выручает наличие слуха, зрения или обоняния. Он просто принимает это как данность. По большому счёту, так оно и есть.

И следовала Галина подсказкам своего чувства. Сегодня же обстоятельства сложились иначе.

Ночью Галине приснилось, будто на обратном пути на их самолёт напали большие тёмные птицы. Красивые, но страшные. Острые когти и клюв явно показывали кто в небе хозяин. Только она подумала, мол, пернатые не представляют угрозы для самолёта, как в тот же миг ощутила – защиты-то нет, и сама она тоже птица и беспомощна перед стервятниками, которые могут разорвать её в клочья. После того как первая волна страха откатилась, появилось ощущение, быстро переросшее в уверенность: на помощь спешат другие большие и сильные птицы, нужно продержаться совсем немного, они прилетят и разгонят нападавших.

Проснувшись, Галина, сказала, как это делала обычно в таких случаях: «куда ночь – туда и сон» и забыла.

Однако перед рейсом, когда экипаж отъехал от гостиницы, Галина вновь ощутила опасность. И чувство это росло по мере приближения к аэропорту. Беда была реальной, но подойти к капитану и попробовать разяснить, что предстоящий полёт несёт в себе угрозу, она не могла, понимая бесперспективность такой затеи. Тем более, чем конкретно он опасен, не знала.

Галина внимательно выслушала информацию командира о предстоящем рейсе, пытаясь определить причину тревоги, но тщетно. Оснований для волнения не просматривалось. Погода и прогноз обещали приятное возвращение домой.

Таким образом, оставалось Галине только хорошо подготовиться самой и грамотно мотивировать подчинённых на предстоящий полёт, который таил в себе необъяснимую и неведомую неприятность. Предполётный брифинг с коллегами она проводила особенно тщательно.

Бригада в этом рейсе была обычная: возраст сотрудников от восемнадцати до сорока пяти с естественным преобладанием представительниц прекрасной половины. Опытных проводников, которые по молодости лет пришли в профессию и задержались, среди рядовых почти не осталось. Те, кто давно работали, уже сами трудились либо бригадирами, либо инструкторами. Поэтому у большей части коллег навыки с высоты двадцати с лишним лет стажа самой Галины были минимальными.

А сейчас парк компаний начал стремительно увеличиваться для удовлетворения стремительного роста спроса на авиаперевозки. И аккурат в это время в бортпроводники повалил народ весьма разнообразный. Например, малявки – вчерашние школьницы в поисках выгодной партии: бизнесмена (благо цена билета позволяла его определить безошибочно) или, на худой конец, пилота. Освоить профессию пожелали также ещё молодые, но уже скучающие, и как следствие – выгоревшие на своей работе медики и учителя. Компанию им составлял офисный планктон, вдруг осознавший, что дело близится к тридцати, а там и сороковник, а значит, глубокая старость. Они же ничего, кроме шиша с маслом (у каждого свой список), и не видели. Кого-то замучило одиночество после развода. Кто-то просто надеялся мир посмотреть.

На этом фоне выделялся Николай. Он не попадал ни под одну из категорий. Практически ровесник Галины, но не имевший опыта в профессии. Но с обязанностями справлялся отлично. К этому можно добавить привлекательный внешний вид, высокий интеллект. Ум у мужчин Галина распознавала безошибочно. Уж больно привлекала её эта черта. И нельзя сказать, что не было очень умных и неординарных среди бортпроводников. В девяностые, когда всё разваливалось, инженеры, лингвисты, преподаватели вузов и учёные нередко оказывались специалистами заоблачного сервиса. Но на дворе уже двадцать первый век, поэтому настоящие профессионалы стали востребованы по своим специальностям.

Немного подумав над этими неувязками, Галина выбрала из всех возможных вариантов объяснений наипростейший, за которым не следует никаких действий: пусть он будет шпионом.

«Ну шпион так шпион, – подумала старший бортпроводник. – Лишь бы трап не выпустил без нужды да жалоб от пассажиров не было».

Как в школьном анекдоте: директору учебного заведения сообщают, что его подопечные учинили в школе пьяный дебош, а он спрашивает: «Окна не разбились? Нет? Ну тогда ничего страшного!»

Глава 3

Всё мгновенно меняется по команде «пассажиры».

Это для пилотов полёт начинается с установки рычагов управления двигателями на взлётный режим. А для проводников первый ступивший на борт пассажир – это начало трудовой вахты, которая продлится до того момента, как салон самолёта снова станет пуст. Сообщивший о начале посадки рамп-агент бегом пронёсся по телетрапу и быстро проскочил в пилотскую, как будто он именно от пассажиров и убегает. Хотя, может, так оно и есть. Недаром пилоты шутят: бронированные двери в их кабине – это демонстрация того, что самолётом управлять легче, чем обеспечивать сервис.

Конечно, это шутка: пилоты пассажиров любят и ценят их доверие, без чего ни один человек не ступит на борт самолёта. А значит, невозможно будет зарабатывать на жизнь любимым делом.

По молодости Галина была шокирована поведением некоторых людей, которых она обслуживала с должным старанием и предупредительностью. В какой-то момент уже решила, мол, заоблачный сервис – это не её. Но потом сомнения развеяла старшая и более опытная коллега, разъяснившая молодой тогда проводнице, что если воспринимать пассажира как нормального человека, то можно свихнуться. Такие размышления, помнится, возмутили начинающую стюардессу:

– А как я должна к ним относиться?

И получила вразумительный комментарий:

– Человек, который боится летать, ведёт себя не совсем адекватно – и это нормально...

– Но не всё же аэрофобы, – перебила тогда Галина наставника.

– Все! В разной, конечно, степени, – отрезала старшая коллега и добавила: – Просто не все об этом знают. И тот, кто не в курсе про свои страхи, – самый сложный клиент. Взрослый самодостаточный мужик никогда не признает собственный страх. Поэтому он считает: внутренний дискомфорт, который вдруг у него появляется в салоне самолёта, вызван чем угодно, но не страхом. И ищет причины раздражения. И находит: ты неискренне улыбнулась, я кофе в холодной чашке подала, кресло неудобное и много ещё чего, но только не аэрофобия.

– И что делать? – обречённо спросила начинающая хозяйка пассажирского салона и будущий ас обслуживания пассажиров на борту.

– Всё просто. Боящийся и раздражённый человек, ведёт себя как взбалмошный подросток. Вот и относись к нему соответственно. Ты же знаешь причину поведения подростка и снисходительна, поскольку понимаешь: оскорбляет тебя не он, а бушующие в растущем организме гормоны. Так и с пассажиром: это не он такой, это страх таким делает.

Простое объяснение расставило всё по своим местам. Со временем Галине даже нравилось, когда заходивший на борт раздражённый пассажир, покидая самолёт, искренне – это легко понять – благодарил за полёт и настроение.

Все эти мысли заставили начисто забыть о тревоге, которая преследовала всю подготовку к рейсу.

Пассажиры шли один за другим. На передней кухне Галина поставила с собой Ингу. С ней несколько месяцев назад она впервые слетала коротким рейсом и после этого постоянно просила планировать в свой экипаж. Работа в паре была приятна обоим – Галина в этом ничуть не сомневалась. Искренность она так же, как и опасность, определяла безошибочно.

Тот первый полёт, переросший позже в крепкий деловой союз, начался со ссоры. Рейс был коротким, и работать приходилось максимально расторопно, а Галину буквально достал второй пилот, заставивший во время обеда семь раз пройти по маршруту: кухня – кабина – кухня. Сначала пилот заказал мясо, но поскольку на гарнир была гречка, попросил поменять

на блюдо с картофелем. Галина принесла, но в этот раз не понравилась белая рыба – пришлось вернуть мясо. Затем ещё один заход на «а где вилка?» с последующим «не нужно, я её не заметил», ещё три раза пришлось на чай: «лучше зелёный», «без пакетика», «с сахаром». Тогда Галина единственный раз не сдержала эмоций в отношении лётного экипажа.

Выходя, она поинтересовалась у капитана:

– Вы сделаете объявление или мне объявить?

– О чём? – удивился тот.

– О десятиминутном прекращении обслуживания пассажиров, удовлетворением тонких гастрономических пристрастий второго пилота, – довольно резко бросила бригадир.

Командир засмеялся, а вот Галина упрекнула себя несдержанность. Он-то здесь причём? Ему ещё лайнер на землю возвращать. И вот в этот, совсем неподходящий, момент пассажиру бизнес-класса приспичило шампанского испить. Учитывая стоимость билета, имеет право. Но Инга замешкалась, открывая бутылку.

– У тебя руки из жопы растут? – грубо гаркнула старший бортпроводник на подчинённую.

Та повернулась к раздражённой начальнице и спокойно сказала:

– Из жопы у меня растут ноги, и должна заметить: никто ещё не жаловался на то, что я ими делаю.

При этом она провела обеими руками по своим бёдрам, которые сексуально обтягивала форменная юбка. Инга была красива необычайно. Поэтому сомнений в правдивости её слов не возникло. Галина извинилась и попросила отнести игристое, понимая, привлекательный вид стюардессы развеет раздражение пассажира.

В следующих совместных полётах Инга не раз просто и естественно решала конфликтные ситуации, в том числе и используя свои внешние данные. Этим она тоже приглянулась опытному бригадиру – приятно иметь дело с умным человеком, даже если это очень красивая женщина.

Инга считала входящих в самолёт механическим счётчиком, который смешно называла «кликалкой». Галина проверяла посадочные талоны и подсказывала, куда пройти.

– Ваше место шесть «чарли», – произнесла Галина.

Она лишь коротко взглянула на мужчину, как её словно холодным душем окатили: к ней вернулось чувство опасности, которое, как она надеялась, осталось за пределами самолёта. Тревога не только напомнила о себе, но и стала физически осязаемой, как в тот раз, когда маленькой девочкой шла с папой из детского сада. К тому же пассажиром оказался известный политик. Совсем недавно, вплоть до думских выборов, ещё никому не известный молодой человек внезапно перевернул шахматный стол российской политики. Сначала через суды, добившийся отмены решения о снятии с выборов, а затем демонстративно покинувший Думу, оставив свой мандат на трибуне, с которой он клеймил какой-то малопонятный большинству населения законопроект. Эффектный жест вызвал восторг у публики, вечно недовольной властью, и уважение даже тех, кто не мог определиться между лояльностью президенту и ненавистью к правящей партии.

Последующее шараханье власти от «приласкать» до «наказать» только повышало его популярность. К тому же он был отличным оратором, мог изобразить как душку-милашку, общаясь с пенсионерами и детьми, так и жёсткого оппонента политических противников на различных ток-шоу, пока туда пускали. Когда же власть спохватилась и убрала его из эфиров, народной любви это не убавило: он нашёл другие площадки для выступлений и своим присутствием привлекал зрителей на различные интернет-ресурсы.

Словом, всё говорило, что с ним придётся считаться уже сейчас, когда до президентских выборов оставалось около двух лет.

Всё это Галина мгновенно вспомнила – опасность именно здесь, рядом, и исходит от посадочного талона, который она держала в руках.

«Хотя что можно ожидать от политика, пусть и очень известного, в полёте? Ну, нервы потреплет», – попробовала она успокоить себя.

От этих мыслей Галину оторвал раздражённый неприятный голос, адресованный ей:

– Я могу проходить?

– Конечно, конечно, – поспешно ответила бригадир, – справа по проходу.

Пассажир выхватил клочок картона и буркнул:

– Знаю, не первый раз, – и проследовал на своё место.

Дальше посадка шла своим чередом. Пассажиры эмоционально здоровались, мужчины при виде Инги втягивали животы и пытались острить. Инга, как истинный профессионал, реагировала на шутки, которые слышала в сотый, а может, уже в тысячный раз. Привычно – каждый волнуется по-своему. Лишь бы про бомбу не шутили. Тогда проводники просто обязаны перейти к соответствующей процедуре: вызов полиции, высадка пассажиров, проверка самолёта и прочие хлопоты. А кому это надо?! К счастью, народ на таких длительных рейсах опытный и подобные глупости себе не позволяет. Выбился из привычного ряда только один мужчина средних лет. Очень приветливо поздоровался и сразу сообщил:

– Я врач, поэтому обращайтесь при необходимости, – показал свой посадочный талон и отчеканил: – Моё место двадцать два «цэ».

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Инга, а Галина подумала: «Лучше бы обойтись без вашей помощи».

По завершении посадки проводники выполнили установленные процедуры закрытия дверей и начался новый этап полёта; доведение информации о средствах спасения и путях эвакуации. Процедура обязательная и даже необходимая, которую, как обычно, никто не слушал. Участие Галины в этом процессе ограничилось включением записи, поэтому она имела возможность ещё раз заглянуть в салон на место шесть «чарли». На пассажира, вернувшего чувство опасности. Господин был чем-то раздражён и не считал нужным это скрывать.

«Как же по-разному выглядят люди в телевизоре и в жизни», – в очередной раз подумала Галина.

Ей часто приходилось пересекаться по работе с известными персонами. И она уже привыкла к ситуации, когда распиаренный образ не имеет ничего общего с реальным человеком. Так, выдающийся кинорежиссёр, который ей виделся носителем изящных манер, однажды при ней наорал на молоденького проводника за отказ пересадить в бизнес-класс. А вот эстрадная дива, которую все считали хулиганкой и грубиянкой, оказалась вполне приветливой и терпеливой: перед вылетом из Цюриха к ней, уже расположившейся в бизнесе, все проходящие мимо пассажиры обращались за автографом, и она никому не отказывала. И только королева Швеции, которую довелось обслуживать и на борту самолёта, и вне его была одинаковой для российской публики – её не замечали либо вовсе не знали о её существовании.

Поэтому привыкшая к различным метаморфозам Галина не столько смотрела на популярного политика, сколько пыталась понять, что за опасность ей, а значит, и всем, кто находился на борту, угрожает.

Глава 4

А в это время в кабинет большого босса секретной службы одной из недружественных стран на доклад вызвали руководителя специальной операции. Крайне деликатной, поскольку выполнялась она в интересах политического руководства. Естественно, в случае утечки или, что ещё хуже, провала это самое политическое руководство будет утверждать, мол, знать не знало о самовольстве спецслужб.

– Пока всё идёт по плану, – рапортовал опытный разведчик, глядя в раскрытую папку, то ли уточняя детали, то ли не желая смотреть на шефа. – Объект в самолёте, наше сопровождение – согласно установкам. Контакты со смежниками налажены, они готовы оказать содействие в любой момент при необходимости.

Доклад был закончен, но тишина заставила посетителя поднять глаза, дабы убедиться, что его услышали. Бос внимательно смотрел, словно ожидал деталей, касаться которых подчинённый не хотел. Профессиональный разведчик был достаточно опытным в своём деле, чтобы понимать: никому нельзя доверять информацию в объёме большем, чем это необходимо для выполнения своей части общей задачи. Даже если этот кто-то – твой непосредственный начальник.

Поэтому он спокойно выдержал взгляд своего руководителя. Тот в свою очередь понял, что больше ничего не узнает, и подумал:

«Может, оно и к лучшему».

Потом открыл небольшую коробку из телячьей кожи с тиснением, где, и все в службе про это знали, лежали гаванские сигары.

Хозяин кабинета внешне немного напоминал Черчилля, и, возможно, именно для усиления сходства с известной личностью тоже курил сигары. Он достал одну, нежно помял её. Потом понюхал, осторожно втягивая воздух. Гость знал: красивая коробочка называется хьюмидор, в которой обязательно имеется всё необходимое. Гильотина для обрезки сигар, увлажнитель, гигрометр. Курить в службе категорически запрещалось, а чтобы шеф предложил пройти в соседнюю с кабинетом комнату и раскурить сигару, должно произойти нечто неординарное. Посетитель не любил и даже избегал всего нестандартного или внезапного. К тому же был достаточно независим, как, впрочем, и все профессионалы. Может, поэтому никогда не удостоился чести быть приглашённым в специальное помещение, куда дверь непосвящённый и не заметит.

– Вопросы есть, полковник? – спросил хозяин кабинета, укладывая сигару на место ласково, так укладывают в колыбель младенца.

– Чем ограничены мои полномочия в этой операции?

– Ничем, – спокойно ответил начальник, осторожно закрывая хьюмидор. – Конечно, кроме применения оружия массового поражения.

Потом посмотрел на подчинённого и, не увидев соответствующей эмоции, добавил:

– Шутка.

– Естественно, – ответил собеседник и, спросив разрешения, пошёл на выход.

Выйдя из кабинета руководителя, полковник отправился на своё рабочее место, которое находилось вдали от кабинета шефа и других многочисленных первых, вторых и прочих заместителей, советников по различным направлениям, разного рода помощников, представителей иных спецслужб.

Удалённость от всей этой братии радовала. Начальники, заместители, советники – это по большей части бывшие или будущие политики. А в политику обычно идут те, кто по разным причинам не состоялся в профессии. И чем дальше находишься от них, тем комфортнее можно заниматься своим делом.

И для начала следовало проверить готовность смежников. Это самое слабое звено в любой операции. С ними чаще всего и бывают проблемы: то погода плохая, то настроение никудышное. И всё это для них уважительная причина.

«Мне бы так», – подумал полковник, нажимая нужный тумблер на селекторе связи.

В динамике послышалось тихое шипение, а следом короткое:

– Слушаю.

– Вы получали директиву о вашем участии в нашей операции, – тон скорее утвердительный, нежели вопросительный, поэтому тут же продолжил: – Прошу доложить о готовности.

Ответ последовал после короткого молчания – это моментально напрягло опытного офицера.

– Мы готовы, но... – Опять последовала раздражающая пауза. – Но желательно перенести начало операции на пятьдесят две минуты, чтобы исключить негативное влияние внешних воздействий.

«Вот, так и есть. Как же им хорошо. И погода, и время суток, и расположение спутников противника – всё они могут использовать в своё оправдание».

Собеседник верно уловил раздражение звонившего:

– Мы, конечно, обеспечим выполнение миссии и в указанное время, но...

– Понятно, – перебил руководитель, который нёс ответственность за результат, а значит, являлся первым, кто должен исключить всяческие «но». – Пятьдесят две минуты. Я понял.

Глава 5

Проводники закончили демонстрацию аварийно-спасательного оборудования и заняли свои рабочие места. Но привычного движения самолёта, означавшего буксировку к месту запуска, не последовало. Галина ещё не начала беспокоиться, как дилинькнул вызов, и следом раздался щелчок открытия электронного замка двери кабины. Пришлось отстегнуться и, несмотря на приглашение, сначала набрать условный код, как того требовала инструкция, а только потом зайти к пилотам.

Капитан сидел уже вполоборота, ожидая старшую бортпроводницу, и сразу, как она вошла, «обрадовал»:

– Задержка где-то на час.

«Задержка», пожалуй, самое неприятное слово и в авиации, и в жизни. Задержка всегда означает предстоящее ожидание и часто неведомой продолжительности.

– Какую причину объявить пассажирам? – спросила Галина.

– Нам дали слот плюс пятьдесят две минуты от расписания. Сообщите – ожидание очереди на вылет в связи с перегруженностью аэропорта. Время не уточняй, мы свяжемся с базой, может, сдвинут слот.

Естественно, в такой ситуации объявление вызвало соответствующую реакцию. В бизнес-классе пассажиры бодро стали заказывать напитки, а в экономе покатила волна возмущения на тему «вот я в такой-то компании всё по расписанию». Нашёлся и некто «сведущий», который пытался блеснуть знанием авиационной терминологии для поднятия авторитета:

– Скорее всего, пилоты забыли флайт-план подать, вот и задержка.

Из салона экономкласса позвонили:

– Тут возмущённых вагон и маленькая тележка. Как-то бы нужно градус недовольства понизить...

Бригадиру прошла оценить обстановку. Ситуация реально оказалась взрывоопасной. Две дамочки, судя по всему, уже заправившись изрядной долей бурбона в аэропорту, подогревали всеобщее раздражение.

– Может, покормим, – предложил Николай, – глядишь – пообедуют.

Питание снизит градус напряжения – это очевидно. Но слот – дело не железобетонное. У расторопного диспетчера компании, сопровождающего их полёт, вполне может получиться сдвинуть время вылета на более ранний срок. Поэтому ответ – нет.

– А что такое слот? – спросила молодая коллега, с которой в гостинице общался второй пилот.

«Вроде Ксения её зовут», – вспомнила старший бортпроводник.

– Вот если бы ты, Ксюша, чаще контактировала с лётным составом, – с едва уловимым ехидством заметила Галина, – на профессиональные темы, то знала бы: слот – это такой временной интервал, в который нам разрешён взлёт.

На словах «контактировала с лётным составом» молодая проводница густо покраснела. Галина вернулась к себе и набрала код входа в кабину.

– Командир, в экономе нервно. Всё может выйти из-под контроля, и придётся вызывать полицию. Хорошо бы покормить их, в сорок минут уложимся.

Капитан вздохнул, оценивая ситуацию и принимая решение:

– А если слот подвинут? Тогда я должен буду доложить, что не готов, и мы вообще только часа через три вылетим. Не стоит! – И уже включив громкую в салоне, продолжил: – Уважаемые пассажиры, в воздушном пространстве аэродрома скопилось большое число прибывающих бортов. Чтобы им всем обеспечить посадку, диспетчерская служба передала нам новое время вылета через пятьдесят две минуты. Представители компании принимают все меры по

сокращению времени ожидания. Прошу вас набраться терпения и отнестись с пониманием к членам экипажа. Мы так же, как и вы, находимся в этом самолёте. – И после короткой паузы добавил: – Только нам ещё работать всю ночь.

Через минуту прозвучал сигнал вызова внутренней связи.

– Спасибо, капитан, – Галина узнала голос Николая, – сейчас всё под контролем.

– А не угостишь ли нас чашечкой кофе? – попросил командир бригадира, поскольку обстановка уже позволяла. Готовиться закончили, а времени до взлёта предостаточно – почему бы не воспользоваться своим служебным положением.

– Пакетик два раза, с молоком? – уточнила Галина рецепт приготовления, вспоминая, заказ командира на прямом рейсе. Прямым называли любой рейс из дома, а вот домой – обратным.

– А сахар?! – почти убедительно изобразил командир обиду.

– Сахара не будет, а будут замечательные эклеры. – И уже обращаясь ко второму пилоту, который безучастно смотрел перед собой, не выражая никакого интереса к происходящему: – А вам что?

– Ничего, – буркнул тот в ответ.

– Хорошо. Капитан, сейчас ваш заказ принесу.

– Не нужно, – остановил командир, – я выйду. Хорошо бы немного размяться.

Перед выходом капитан попросил второго пилота рассчитать крайний срок вылета по ресурсу рабочего времени и, сняв погоны, вышел из кабины.

Пока кофемейкер готовил напиток, демонстрируя звуками крайнюю сложность процесса, Галина неожиданно для себя спросила:

– У нас всё в порядке?

Капитан кивнул и поинтересовался:

– А ты почему спрашиваешь?

– Чувствую опасность, – ответила она и, встретив очень внимательный взгляд собеседника, добавила: – Наверное, фигня всё это.

– Рассказывай.

Галина решила поделиться опасениями, как бы смешно она ни выглядела в глазах этого симпатичного ей лётчика. Когда поведала про тёмных птиц, собеседник уточнил, а как удалось разглядеть цвет ночью. Галина прикрыла глаза.

– Над горизонтом уже посветлело.

– Какой ширины была полоса света?

– Совсем небольшая, – большой и указательный пальцы показали размер, – но когда прилетели светлые птицы, она была уже в полнеба, – продолжала описывать Галина свой сон, как рассказывают о реальном событии.

Командир задумался. Эта пауза беспокоила, заставила забыть о субординации и правилах общения на борту:

– Андрей, что-то серьёзное?

– Думаю, нет. Но слишком много совпадений. И, пожалуй, лучше не рисковать.

– Посчитал? – спросил капитан второго, вернувшись в кабину.

Сам он уже прикинул в уме: если не начать движение через семнадцать минут, то в установленную полётную смену не уложиться. У командира есть право продлить рабочее время, но пользоваться этим или нет – решение исключительно в компетенции капитана. Естественно, в компании очень негативно относятся к случаям, когда командиры это право игнорируют. Но сейчас другое волновало опытного лётчика: странный сон бригадира довольно точно совпадал с личными опасениями.

Обычно перед рейсом, загрузив или, как говорили пилоты – «забив», маршрут в компьютер, командир рисовал в своём воображении весь полёт, пролетая его мысленно за считанные

секунды. Однажды, как он ни старался представить запланированный маршрут, не получалось. Перед самой Москвой виртуальная линия пути изгибалась и следовала до Питера.

Погода в воздушной зоне Московского региона была замечательной, поэтому странности мысленного полёта не воспринял всерьёз. Но часа за три до начала снижения поступила информация: в аэропорту назначения выкатился самолёт за пределы посадочной полосы, нужно быть готовым произвести посадку в Домодедово или Внуково. А уже на снижении диспетчер потребовал следовать в Пулково, поскольку столичные аэропорты перегружены из-за перенаправленных к ним бортов.

После этого относиться к построению воображаемого маршрута – Андрей стал серьёзнее. Сегодня полёта в воображении не то что изгибался или сворачивал, а вообще прерывался где-то над Норвежским морем. И по времени это происходило незадолго до рассвета, когда горизонт на востоке уже светлеет тонкой полоской, как показала Галина.

Сверив свои прикидки с тем, что посчитал второй пилот, командир связался с диспетчером аэропорта, отвечающим за планирование, чтобы предупредить: если не начнётся движение в течение ближайших пятнадцати минут, то отправление переносится для отдыха экипажа. Делал командир это в полной уверенности, что ответит диспетчер о невозможности изменить слот, и приготовился запланировать новое время вылета после отдыха. Но, к большому удивлению, попросили подождать минуту и последовало разрешение на буксировку и запуск.

Значит, полетели.

В это время в российской секретной службе, обеспечивающей безопасность всего, происходящего на территории самой большой в мире страны и за её пределами, если это касается российских граждан, морских и воздушных судов, также проходило оперативное совещание, которое прервал стук в дверь. Появившийся на пороге офицер передал запечатанный конверт. Хозяин кабинета аккуратно его вскрыл и пробежался глазами по тексту.

– Сопровождаемый объект в самолёте. Рейс по непонятным причинам задерживается. Наши оппоненты на борту с полным комплектом инструментов, – ознакомил глава службы присутствующих с содержанием и обвёл всех взглядом, предлагая высказаться.

За столом сидели двое, и они не торопились – любое сказанное здесь означает ответственность. Каждый посчитал нужным тщательнее подобрать слова, даже если шеф выражает нетерпение.

– Нужно уточнить: если задержка связана с неисправностью самолёта, то это не имеет отношения к операции, – высказался, как и положено, младший по званию.

– Уже узнаём, – ответил хозяин кабинета и обратился ко второму: – А что нам скажет начальник транспортного цеха, ой, извините, руководитель операции?

Тот, кого называли руководителем операции, не отводя взгляда от лежавшей перед ним папки, будто там был написан ответ, заговорил:

– Хорошо, если это неисправность, но, похоже, они рискуют, и значит, есть вероятность, при неудачном исходе всего дела им придётся обрубить концы. Вот это меня очень беспокоит.

Высказывание подчинённого главный воспринял спокойно и с пониманием, как бы это чудовищно ни звучало. Он снял трубку с одного из многочисленных телефонов, стоящих на отдельном столе, и, выслушав, скорее всего, приветствие, коротко поздоровался и произнёс:

– Вопросик тут один нарисовался. Как быстро вы сможете оказать нам помощь в случае необходимости? – Руководитель замолчал и после короткого ответа собеседника закончил: – Спасибо, надеюсь, не понадобится.

Глава 6

Сергей Палыч понимал: предстоящая комиссия может оказаться последней. Как, впрочем, каждый пилот в любом возрасте вне зависимости от состояния здоровья не исключает такой исход перед очередным медосвидетельствованием. Завершение лётной карьеры – это неизбежность, и нужно быть к этому готовым. И Палыч не исключал любой исход предстоящей процедуры проверки здоровья. А когда в прошлом месяце ему выдали перечень анализов и прочих тестов, которые должны быть сданы и пройдены перед началом самой врачебно-лётной комиссии, он повертел листок и обратился к доктору:

– Вы не всё указали.

Новая доктор была молоденькой и ещё немного робела перед теми, кто старше. Она смутилась, взяла направление и внимательно изучила.

– Вроде бы всё. Или вы на что-то жалуетесь?

– Я не жалуясь с тех самых пор, когда в юные годы ваш коллега повествовал мне выражать своё недовольство максимум шевелением большого пальца в сапоге. Но нужно, нет, вы даже обязаны включить сюда ещё и обследование патологоанатома. Здоровый человек не может выйти живым после тех испытаний, перечень которых вы мне вручили.

Доктор, даже понимая, что лётчик шутит, смутилась ещё больше и пролепетала:

– Это не я, это федеральные авиационные правила...

– Вы имеете в виду правила «Как быстро известить старых лётчиков»? – перебил её Сергей. – Вы только представьте: как бы авиация была хороша, если бы не лётчики.

– Но это была бы уже не авиация, – ответила всё ещё смущённая молодая женщина.

– Вот вы, несмотря на свой юный возраст, понимаете. А те, кто пишут вам инструкции, нет, – поставил шутник точку.

Когда он уже выходил из кабинета, доктор посмотрела в медицинскую книжку и окликнула:

– Сергей Павлович! А вы вовсе не старый.

«И на том спасибо», – подумал «вовсе не старый» лётчик. И приступил, тем не менее к завершению лётной карьеры.

Попросился в длинный отпуск, который ему дали без разговоров с учётом предстоящей медкомиссии. В первые три дня отсыпался – этой привычке столько же, сколько его профессиональной деятельности. Отоспавшись, Сергей решил заняться выбором дальнейшего пути.

Праздное, пусть и заслуженное, существование отмёл сразу – не его это. Перебрав все возможные варианты от административной или инструкторской работы в родной компании до собственного бизнеса, придумал попробовать совместить бизнес и авиацию – создать частный учебный центр. Для чего посетил несколько аналогичных заведений, чтобы познакомиться с проблемами лётного обучения на родине. Потом посетил некоторые соседние страны и, наконец, отправился в Штаты, где старый знакомый держал очень маленькую авиашколу. Благо льготные билеты для этих поездок не сильно били по бюджету.

И теперь возвращался домой рейсом родной авиакомпании. На входе в самолёт его поприветствовала молодая и очень эффектная стюардесса, с которой Сергей никогда раньше не пересекался. Это он определил точно, поскольку такую красотку даже среди большого числа эффектных бортпроводниц забыть сложно. Она дежурно улыбнулась, тогда Сергей повернулся к ещё одной приятной, но уже знакомой проводнице, пытаясь привлечь её внимание, но тщетно. Та выполняла свои обязанности и не отвлекалась. Окликать её по имени было неудобно.

«Ничего, полёт долгий, ещё пообщаемся», – подумал Сергей, даже не представляя, как он был прав.

Продолжительная работа в компании позволяла летать в бизнес-классе с существенной скидкой. На длинном перелёте это более чем удобно. Проходя на своё место, Сергей увидел знакомого по телеэфирам довольно популярного политика, который уже зарекомендовал себя чуть ли не главным соперником действующей власти на будущих выборах. Тот выговаривал своё недовольство присевшей перед ним на корточках молоденькой стюардессе.

Соседкой Сергея оказалась милая женщина лет сорока. Она тоже оценивающе посмотрела на Сергея. Оценка, похоже, удовлетворила.

– Светлана Олеговна, кардиолог.

– Сергей Палыч, пенсионер.

– Хорошо жить стали, – включила иронию доктор, – коль пенсионеры позволяют себе летать в бизнес-классе.

– Если честно, то я без пяти минут, – уточнил Сергей и добавил: – А жить стали не только хорошо, но и правильно, раз уже и врачи позволяют себе путешествовать бизнес-классом.

– Логично, – ответила Светлана Олеговна, не поясняя, что за билет заплатила организующая симпозиум сторона.

Когда молоденькая проводница закончила общаться с политиком и проходила мимо, Сергей окликнул её.

– Кофе, чай, сок, вино, виски? – на автомате спросила стюардесса, привычная к обслуживанию пассажиров бизнес-класса.

– Все нет. Передайте Галине Ивановне, что её хороший знакомый летит на месте пять «дельта». Не сейчас, а потом – на эшелоне.

Девушка кивнула и пошла на переднюю кухню. И как только она удалилась, соседка, слышавшая диалог, тут же спросила:

– Надеюсь, не нарушу приличия, если поинтересуюсь...

– Кто эта «хорошая знакомая»? – перебил Сергей.

– Ну что вы, – снисходительно улыбнулась Светлана, – Об этом я и сама могу догадаться, причём во всех возможных вариациях. Мне не знакомо слово «дельта», которое вы употребили в общении с этой юной особой.

Сергей улыбнулся тому, как его красиво умыли, когда он хотел поддеть любопытную пассажирку.

– Дельта – это четвёртая буква английского алфавита, как она произносится в радиоэфире. «Альфа», «браво», «чарли», «дельта», «эко», «гольф» и так далее до «эксрей», «янки», «зулу».

– Спасибо, – ответила удовлетворившая своё любопытство соседка и добавила: – Теперь всё понятно.

– Что ваше место пять «гольф»? – уточнил Сергей.

– Нет, понятно, что на радиолюбителя вы не похожи.

Глава 7

Константин рос в неблагополучной семье. Отца он не знал. Точнее, их было слишком много. Мать требовала называть «папой» почти каждый месяц нового мужчину уверяя:

«Это уже настоящий папа».

Пока они с сестрой были маленькими, единственной их проблемой была еда. Вернее, её отсутствие. Но соседи из жалости подкармливали малышей.

Лет в двенадцать всё изменилось. Однажды Костя увидел, как очередной «батя» заставляет сестру выпить вино, удерживая её помимо воли у себя на коленях. А мама пьяно смеялась, глядя на эту картину, уговаривая дочь не сопротивляться.

Что было дальше, Костя помнил так, будто это происходило не с ним. Он словно наблюдал за всем со стороны. Сначала выхватил у пьяного мужика бутылку и взял её за горлышко. Вино неприятно полилось сначала на рукав, потому на сорочку и на голову. Когда бутылка описывала большую дугу, чтобы с глухим стуком влететь в середину лба очень удивлённого алкаша, вино лилось уже в рукав рубахи, доставая аж до подмышки. Через мгновение глазёнки мерзкого мужика закрылись, а мать завопила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.